

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведческих исследований

Том XXVI • 2023 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Номер посвящается юбилею монголоведа
Нины Павловны Шестиной (1898–1980)

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор
РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, про-
фессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 24.03.2023

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvvoe.ru

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/kp5x-gtke-a669

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2023

© Коллектив авторов, 2023

В НОМЕРЕ:

- С. С. Сабрукова.** Обзор личного фонда Н. П. Шастиной (1898–1980)
в Архиве востоковедов ИВР РАН 5

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ

- Р. Ю. Почекаев.** Процесс 1251 г. и Мункесар-нойон: к вопросу о статусе судьи-дзаргучи
в Монгольской империи XIII в. 14
- Ю. И. Елихина.** Находки из Южного Хангая монголо-тибетской экспедиции
П. К. Козлова в коллекции Государственного Эрмитажа 22
- Т. Д. Скрынникова.** «Плач» Толуя в «Тайной истории монголов» 29

ФИЛОЛОГИЯ

- Ч. Заяасүрэн.** Хүүхдийн оюун ухааны хөгжилд аман зохиолын бага төрөл нөлөөлөх нь
(О влиянии малых жанров фольклора на интеллектуальное развитие детей) 35
- Г.-О. Батзаяа.** Монгол хэл, аялгуунуудыг ангилан хуваалаан түүх, өнөөгийн байдал
(История и современное состояние классификации монгольских языков и их диалектов) 41
- Ц. Б. Селеева.** Поэтические особенности калмыцких народных загадок 61
- Б.-Х. Б. Цыбикова.** Традиционный фольклор в бурятских диаспорах Китая и Монголии 73
- Д. В. Убушиева.** Иван Иванович Попов и его коллекция калмыцкого фольклора 80

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ю. В. Болтач.** Одиннадцатые петербургские тибетологические чтения
(28 ноября 2022 г., ИВР РАН) 93
- Т. Г. Басангова.** Труды фольклористов Калмыцкого государственного
университета им. Б. Б. Городовикова за 2022 год 98
- Н. В. Ямпольская.** Рец. на: Чингис хааны нийслэл Хархорум хотын өв /
Ред. А. Энхтөр, ерөнхий ред. Г. Эрэгзэн, С. Чулуун. 2021. – 244 х. 101

IN MEMORIAM

- М. П. Петрова.** Памяти Д. Цэдэва (1940–2023) 105

Т. Д. СКРЫННИКОВА
Институт восточных рукописей РАН

«ПЛАЧ» ТОЛУЯ В «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛОВ»

Статья посвящена анализу одного из элегических отрывков в «Тайной истории монголов». Этот отрывок является поэтическим описанием болезни Угэдэя и метода ее лечения: чтобы избавить Угэдэя от болезни, владыки и хаты земли-воды китайского народа потребовали в качестве заместителя-дзюлик его близкого родственника. Шаманы совершили обряд выкупа жизни Угэдэя: объектом, принявшим на себя болезнь Угэдэя, стал Толуй. Толуй объясняет, ради чего он идет на жертву – чтобы спасти лидера и главу монгольского народа, выбранного Чингис-ханом, описывает историю своих взаимоотношений с Угэдэем. Этот текст может свидетельствовать о существовании в монгольской среде реального выкупа человеческой жизнью. Структура этого небольшого текста и символическое значение его частей позволяют обозначить его как плач младшего сына Чингис-хана Толуя по самому себе.

Ключевые слова: Тайная история монголов, Толуй, Угэдэй, дзюлик, заместитель больного, жанр плача, элегия.

Об авторе: Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (skryta999@mail.ru) ORCID 0000-0002-0674-2764.

© ИВР РАН, 2023

© Скрынникова Т. Д., 2023

Текст, который я обозначила как плач Толуя по самому себе, небольшой, и я привожу его полностью.

«Ögödei-qahan sira-dektür (ширдэк — войлочный ковер) bawuba tende ögödei-qahan ebetcin gürtejü aman kelen jabqan aljaqdarun böes böes tölgecin-e tölgele'ülüesükitad irgen-üqajar usun-u ejēt qa<n>t irgen orqo-ban dawuliqdarun balaqat qotod-iyān ebdekderün tügün-e adalamui irgen orqa altan mönggün adu'usun ide'en joli'a ökgüye ke'en abitla'asu ülü talbiran dület türgün-e adalamui uruq-un gü'ün-ece bolqu-yüke'en abitla'asu qahan nidün-en ne'ejüusun quyuju u'uju ya'un bolbi ke'en asaqtaju böes öcirün kitad irgen-ü qajar usun-u ejēt qa<n>t qajar usun-iyān ebdekderün irgen orqa-ban dawuliqdarun türgün-e adalamui busu ya'un ber joli'a ögüye ke'en abitla'asu dület türgeñ-e jürmedemüi urug-un gü'ün-ece bolqu-yü ke'eesü talbiramui edöe jarlig medemü-je ke'en öci'esü jarlig bolorun dergede köüd-ece ken

bui ke'esü tolui kö'ün dergede büle'e ügülerün sutu cinggis-qahan ecige bidan-u de'ere aqa-nar döro de'ü-ner böetele qahan aqa-yi cimayi aqta metü songquju irge metü bilijü yeke oro-ban beye-tür cinu cucuju olon ulus-i de'ere cinu aciju ökba-je namayi бүрүн qahan aqa-yin dergede aju umartaqsan-i duratqaju untaraqsan-i seri'ülgü ünēn ber qahan aqa minu jö[b] ese bolu'asu olon mongol ulus öñecirekün kitad irgen kib qangqun qahan aqa-yu'an orun-a bi bolsu tulu-yin niru'un bi tulbalba kileme-yin niru'un bi kinggölba ile-yi bi ilaqba qada-yi bi qatquba ni'ur qo'a niru'un urtu bi-gü bui-je böes arbatqun jügerütqün ke'eju böes jüger'esü jügergen usu tolui kö'ün u'uba qorom sa'uju ügülerün soqtaba bi soqtaqu-yi monu sergütele öñecot ücügēt de'ü-ner-iyēn belbisün beri-yēn berüde oyun-a gürtēle asaraqū-yi qahan aqa madetügei ali ber üge-ben ügülele'e bi soqtaba ke'en ke'ēt qarcu otcu jöb ese boluqsan yosun teyimü» [Rachewiltz, 1972. P. 163–164].

Жанр плача

В европейской традиции плачи чаще всего определяются как погребальные, т.е. те, которые совершают в процессе обряда захоронения; поминальные, исполняемые впоследствии на могилах, как правило, близкого человека; и бытовые, которые исполнялись при отправлении в армию, при пожарах, разного рода несчастных случаев. Нам неизвестны тексты, которые бы исполнялись какими-либо специалистами (профессиональные плакальщики, мужчины в женских одеждах, специальные священнослужители) при захоронениях в монгольской среде. Но термин «плач» существует: *уйлах дуу* или *орилох дуу*.

В «Тайной истории монголов» (далее: ТИМ) мы не встречаем обозначения какой-либо части текста такими терминами как «уйлах дуу», «орилох дуу», где слово «дуу» означает «песня, звук, голос», «уйлах» — плакать, «орилох» — плакать, рыдать. Но можно вспомнить словосочетание «*уеке даву-бар цуилажу*» [Rachewiltz, 1972. P. 23] (досл. «плакала громко/громким голосом»), которое связано с описанием похищения отцом Чингис-хана Есугэй-багатуром у меркитского Чиледу его жены Оэлун. Когда Есугэй с братьями отбили Оэлун у Чиледу и везли ее домой, она «говорила: “Старший мой Чиледу, чей хохол никогда не трепал ветер, чей желудок никогда не голодал в степи. Как сейчас?” И она, перекидывая свои две косы со спины на грудь и обратно, громко причитала, так что воды Онон-реки заволновались, а эхо разнеслось по лесам и долинам» (здесь и ниже пер. мой. — Т.С.). Этот короткий текст можно определить как жанр «плача», поскольку Оэлун оплакивает потерю любимого мужа и неизвестность своего будущего, что может ассоциироваться с «плачем» невесты. Это подтверждает и использование автором выражения «*уеке даву-бар цуилажу*», которое состоит из глагола *цуилажу* (плакать) и словосочетания *уеке даву-бар* (громким голосом) и которое я перевела как «громко причитала».

Не обязательно «плач» может быть идентифицирован только через лексическое обозначение (*уйлах дуу*, *орилох дуу*). В монгольских

летописях XVII в. отмечаются плачи Тогон-Тэмюра, оплакивавшего падение династии Юань и потерю монголами Пекина, и Хэлэгүтэй-багатура, оплакивавшего смерть Чингис-хана, что не встречается в *Тайной истории монголов*. Как, кстати и то, что имя Хилугэдэй-багатура мы не найдем ни в ТИМ, ни в *Сборнике летописей* Рашид-ад-дина. Оба эти плача связаны с негативной ситуацией: в первом случае с гибелью династии Юань и потерей столицы империи, а во втором — со смертью Чингис-хана.

Статус Толуя

Каков был статус Толуя, младшего сына Чингис-хана? Какими были отношения Толуя и Угэдея, бывшим всемонгольским хаганом? Хотя Толуй был младшим сыном, он не носил титула отчигин. Как мы знаем, носитель титула *отчигин* — Тэмүгэ-отчигин¹ жил довольно долго, поэтому Тулуй, младший сын Чингис-хана, который получил в пользование основной юрт отца, не назывался *отчигином*, он нигде не упоминается с этим титулом, в «Сборнике летописей» он называется Тулуй-ханом, Екэ-нойоном или Улуг-нойоном. Значение статуса Толуя сохранялось для следующих поколений — детей Чингис-хана и его внуков, что подчеркивается в источниках: «Тулуй-хан большей частью находился постоянно при отце. Чингис-хан всегда с ним советовался обо всех делах: о важных и о незначительных. Он называл его нукером. *Юрт, ставки, [имущество], казна, [семья], эмиры, нукеры, гвардия и личное войско Чингис-хана были в его подчинении* (здесь и ниже подчеркнута мной. — Т.С.) ...он является основой дома, семьи. ...Чингиз-хан имел в мыслях передать ему также каанство и царский престол и сделать его наследником престола, но [потом] он сказал: “Эта должность, в которой ты будешь ведать моими *юртом, ставкой, войском и казной*, для тебя лучше, и ты будешь спокойнее душой, — так как у тебя будет много войска, то твои сыновья будут самостоятельнее и сильнее других царевичей”... Чингиз-хан

¹ Младший брат Чингис-хана Тэмүгэ-отчигин «непрерывно выступал в походы по велению ярлыка Кубилай-каана» [Рашид-ад-дин, 1956б. С. 56].

скончался. После того, как его гроб поставили в ставку и в точности исполнили обряды оплакивания, другие братья и царевичи [все] уехали каждый в свой юрт, а Тулуй-хан водворился в коренном юрте, который состоял из престольного города и великих станов Чингиз-хана, и воссел всевластный [на царский престол]» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 107–109]. В этой пространной цитате неоднократно, как мы видим, подчеркивается главная функция Толуя: получая в наследство от отца его родовую территорию и ставку, центр которой составляла юрта отца (монг. гэр) — дом Чингиз-хана, он становится хранителем этого дома, хранителем правящей фамилии.

Рашид-ад-дин также пишет о дне выборов хагана: «Согласно завещанию Чингиз-хана, достоинство каана утвердили за Угедей-кааном. Сначала сыновья и царевичи единодушно сказали Угедей-каану: “В силу указа Чингиз-хана тебе нужно с божьей помощью душой отдать царствованию”. ... Угедей-каан сказал: “Хотя приказ Чингиз-хана действует в этом смысле, но есть старшие братья и дяди, в особенности старший брат Тулуй-хан достойнее меня, [чтобы] быть облеченным властью и взять на себя это дело; так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон — младший сын великой ставки (курсив мой. — Т.С.). Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 18–19]. С одной стороны, Угэдэй как старший (фактически) в левом крыле, т.е. в монгольских землях, согласно примогенитурному принципу, должен был возглавить правящий дом, что и подтвердил Чингиз-хан назначением его своим наследником — хаганом. С другой стороны, учитывая то, что сакральным центром территории (очаг) наследует младший, устами Угэдэя старшим (в ритуальном смысле) называется Толуй. Таким образом в Толуе соединились две функции: сакральная и властная.

И, соответственно, выбор человека, которым больной откупается от духов, оправдан неординарностью заместителя: чем сакральнее жертва, тем успешнее выздоровление.

Дзолик — заместитель больного

Занимаясь ТИМ, я всегда выделяла два текста, связанные со смертью, на которые хотела обратить особое внимание: причитания Чжамухи перед его смертью и слова Толуя в роли дзолика. Оба эти отрывка из *Тайной истории монголов* С.А. Козин определял как элегию [Козин, 1941. С. 35]. Безусловно, это элегический текст, который произносит Толуй, поскольку ему предстоит стать дзоликом: двойником или заместителем больного Угэдэя, заместителем, которого отдают духам болезней. Болезнь Угэдэя заключалась в том, что у него отнялся язык.

«Угэдэй-хаган упал на войлочный ковер, там он заболел: у него отнялась речь (отнялся язык). Когда множество шаманов погадали, [выяснилось, что] владыки и хаты земли-воды китайского народа неистовствуют от того, что люди и дома ограблены, а города были разрушены. Когда вопрошали по внутренностям: “Отдадим-ка в качестве выкупа-заместителя (золик) людей, дома, золото, серебро, табуны, еду”, [духи] не успокаивались и неистовали сильнее. Когда, гадая на внутренностях, спросили: “Не подойдет ли человек из рода [хагана]?”, хаган открыл глаза, попросил воды, выпил и спросил: “Что случилось?”. Шаманы доложили: “Владыки-хаты земли-воды китайского народа очень рассердились за то, что разрушены земля-вода, люди-дома ограблены. Когда погадав на внутренностях, предложили: ‘Дадим что-нибудь в качестве выкупа-золик’, их гнев еще больше усилился. А когда сказали: ‘Не подойдет ли человек из рода [хагана]?', они успокоились. [Теперь] ждем распоряжение”. Когда доложили, [хаган] изрек: “Кто рядом со мной из принцев/царевичей?”. Ему сказали: «Рядом Толуй». После этого был совершен обряд выкупа жизни Угэдэя, для чего дзоликом, в которого перемещается болезнь, был избран Толуй. Есть описания разных вариантов этого обряда в буддийских практиках, когда человеческие жертвоприношения были запрещены.

К неперенным атрибутам обряда выкупа жизни принадлежат личный конь умершего, украшенный лентами (сэтэр), правая нога

овцы, бирюза, белая стрела, украшенная лентами [Sárközi, Sazykin, 2004. С. 103]. В ведро с зерном втыкается стрела с белым пером, на вершину зерна кладется белая шелковая лента. И исполнитель обряда испрашивает душу (хишик сунэсун [Sárközi, Sazykin, 2004. С. 113], амин сунэсун [Sárközi, Sazykin, 2004. С. 102, 113]) из рук божеств и духов, которая входит в заместителя (дзолик) покойного. «В культовом инвентаре гурума “Выкуп жизни” (бурят. “Амин золиг”) центральное место отводится изображению двойника или заместителя больного человека — “луд” (“дуршиг”), которого отдают духам болезней (Этот момент обряда является заменой реального выкупа человеческой жизнью, т.е. указывает на существование в прошлом человеческих жертвоприношений). “Луд” может быть человеческой фигурой из теста, которой делают глаза из рулончика свернутой белой, черной и красной ткани, нос из меди, язык из красной тряпки, уши из обломков раковины, в грудь вдавливают зеркало — душу. В другом варианте это соломенное чучело, по величине соответствующее росту больного, одетое в его одежду. Лицо нарисовано на бумаге, оборачивающей голову чучела, сверху — шапка, принадлежащая больному. Если чучело делают для женщины, то на него надевают весь комплект лучшей одежды со всеми украшениями из серебра, кораллов и других камней. Мужская одежда также должна быть хорошей, поскольку все это отдавалось ламе после завершения обряда. Кроме того, для выкупа богатые предназначали лошадь в полной сбруе, бедные ограничивались одним бараном» [Герасимова, 1986. С. 194, 232]. Выступавшие в качестве «выкупа» лошадь и баран становились объектами, в которые входила душа в результате проведенного обряда. В нашем случае объектом, принявшим на себя болезнь Угэдэя, стал Толуй.

Структура плача

Хотя текст, который автор вложил в уста Толуя, отличается лапидарностью, в нем можно отметить характерную для плачей черту: Толуй разворачивает историю своих взаимоотноше-

ний с Угэдэем и показывает, каковы его роль и место в прежнем состоянии мира и нынешнем, подвергшимся изменениям. В нем можно выделить несколько частей.

В зачине Толуй объясняет, ради чего он идет на жертву — чтобы спасти лидера и главу монгольского народа, сидящего на троне и выбранного Чингис-ханом: ««Гениальный Чингис-хаган-отец, когда определил среди нас: наверху — старшие, внизу — младшие, тебя, старшего, определил хаганом, как выбирают коня, как ощупывают барана. Он указал тебе на великий престол. Он взвалил на тебя [заботы] о многих народах. Мне же [приказано]: “Будь рядом со старшим братом хаганом, [чтобы] напоминать забытое, будить, когда заснет”».

Затем кратко, одним предложением звучит тема кручины и сожаления, если ему не удастся ценой своей жертвы спасти Угэдэя: «Воистину, мой старший брат-хаган, если не будет так, многочисленный монгольский народ осиротеет, китайский народ возрадуется». И его готовность идти на жертву: «Займу-ка я место своего хагана — старшего брата».

В следующей части в нескольких предложениях Толуй воздает похвалу себе: «Я переламывал хребет тайменя, я ломал хребет осетра. Я воевал впереди тебя, я колол [врага] внешнего. Не красив ли я лицом и не высок ли?». Он восхваляет как свое физическое совершенство, так и воинскую отвагу, и свои успехи в добывании пищи.

Его заключительные слова после того, как он выпивает заговоренную шаманами воду: «...пусть хаган, старший брат заботится о малых сиротах младших братьях и о своей овдовевшей невестке Беруде, пока не помудреют» как будто с полной определенностью указывают на то, что после этого он умрет, став таким образом дзоликом — заместителем заболевшего Угэдэя, забравшего себе его болезнь и в результате этого умершего, поскольку дети называются сиротами, а жена — вдовой. Это, с одной стороны. Но, с другой стороны, сцена заканчивается фразой: «Таков обычай, который правильно не исполнился», т.е. Толуй не был умерщвлен, а постоянно повторял, что он пьян. Последнее может ассоциироваться с со-

стоянием хоть и временной, но смерти, что и объясняет мою интерпретацию этого отрывка как плача Толуя, связанного со смертью, «плача по самому себе».

Вероятно, это также может свидетельствовать о существовании в монгольской среде реального выкупа человеческой жизнью. Возможно в связи с распространением буддизма человеческие жертвоприношения заменили на

фигурки из теста, которые принимали на себя все беды, несчастья, болезни.

Несмотря на то что в *Тайной истории монголов* нет описания похоронно-погребального ритуала, можно с уверенностью говорить о том, что этот текст по структуре, мотивам, формулам соответствуют жанровым особенностям плача. И этот отрывок речи Толуя можно назвать его «плачем по самому себе».

Использованная литература

Герасимова, 1986: *Герасимова К. М.* О структуре традиционной духовной культуры по материалам тибетских медицинских источников // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск. 1986.

Gerasimova K. M. O structure traditsionnoi dukhovnoi kul'tury po materialam tibetskikh meditsinski-kh istochnikov // Traditsionnaya kul'tura narodov Tsentral'noi Asii [On the structure of traditional spiritual culture based on materials from Tibetan medical sources // Traditional culture of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk. 1986.

Козин, 1941: *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941.

Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie: Mongol'skaya hronika 1240 g. [The Secret History. Mongolian Chronicle] М.-Л., 1941.

Рашид-ад-дин, 1952: *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.-Л. 1952.

Rasid-ad-din. Sbornik letopisei. Tom I. Kn. 2. Perevod s persidskogo O. I. Smirnovoi. Primechaniya B. I. Pankratova i O. I. Smirnovoi. Redactor Prof. A. A. Semyonov [Collected Chronicles. T. I. Book 2. Transl. from Per-

sian by O. I. Smirnova. Notes by B. I. Pankratov and O. I. Smirnova. Editor Prof. A. A. Semyonov]. М.-Л. 1952.

Рашид-ад-дин 1960: *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.-Л. 1960.

Rasid-ad-din. Sbornik letopisei. Tom II. Perevod s persidskogo Yu. P. Verkhovenskogo. Primechaniya Yu. P. Verkhovenskogo and B. I. Pankratova. Redactor Prof. I.P. Petrushevskiy. [Collected Chronicles. T. II. Transl. from Persian by Yu. P. Verkhovenskiy. Notes by Yu. P. Verkhovenskiy and B. I. Pankratov. Editor Prof. I. P. Petrushevskiy]. М.-Л. 1960.

Sárközi, Sazykin, 2004: Alice Sárközi and Alexei G. Sazykin. Colling the Soul of the Dead. Texts of Mongol Folk-Religion in the St. Petersburg Institute of Oriental Studies. In collaboration with Tibor Szabó / Silk Road Studies IX. Brepols Publishers n.v., Turnhout, Belgium. 2004.

Rachewiltz, 1972: *Rachewiltz I. de.* *Index to the Secret History of the Mongols.* Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, vol. 121. 1972.

THE “LAMENTATION” OF TOLUI IN “THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS”

Tatiana D. SKRYNNIKOVA
Institute of Oriental Manuscripts RAS

The article is devoted to the analysis of one of the elegiac passages in the “*Secret History of the Mongols*”. This passage is a poetic description of Ugedei’s disease and method of its treatment: in order to rid Ugedei of the disease, the lords and khats of the land-water of the Chinese people demanded his close relative as a jolik substitute. Shamans performed the rite of ransom of Ugedei’s life: the object that took over Ugedei’s disease was Tolui. Tolui explains why he goes to sacrifice - to save the leader and head of the Mongol people chosen by Genghis Khan; describes the history of his relationship with Ugedei. This text may indicate the existence of a real ransom of human life among the Mongols. The structure of this small text and the symbolic meaning of its parts make it possible to designate it as the lamentation of Tolui, the youngest son of Chinggis Khan, for himself.

Key words: The Secret History of the Mongols, Tolui, Ugedei, jolik, substitute of the patient, genre of the lamentation, elegy.

About the author: **Tatiana D. SKRYNNIKOVA**, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Central and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (skryta999@mail.ru) ORCID 0000-0002-0674-2764.